

Стих Юлия Хоменко напорист, динамичен. Он рождается на одном выдохе. Поворот поэтической мысли неожидан, непредсказуем. Образное мировосприятие поэта открывает нам идущие одна за другой картинки. Вместе собранные, они дают большое полотно, отражающее время и место живой жизни.

Д. Ч.

* * *

Не Бетховен, но космы включены,
Губы выпячены к трубе.
Все, кто к музыке приторочены,
Малость всё-таки не в себе.

Мешковатые брюки коротки,
Перекошены пиджаки.
Как сутулые старцы – отроки,
Точно отроки – старики

Неуёмные: ноты тоннами
Нагрузи на них – понесут.
То мечами трясут картонными,
То ничем уже не трясут,

А, к примеру, гранитны, бронзовы,
Бледно-жёлтые, коль луна,
На закате багрово-розовы,
Стынут позами. Тишина.

* * *

Осенний день. Он чем отмечен?
А тем, что света и тепла
Как можно меньше. Осень! Нечем
Отметить факт, что ты пришла.

Конечно, можно бы из лужи
Колочей, в оспинах, воды
Набраться дотемна, до стужи,
До вверх тормашками звезды

Подвешенной на удаленье
В сто сорок вальдшнепов, пока
В ветвях аллея рога олени
Покачиваются слегка.

* * *

По старицкой старой дороге
Немало прошло чередом
КамАЗов, которые строги
На вид и ворчливы нутром.

И «газиков» лёгкое племя
Здесь газы пускает в эфир,
Автобусы прут, а над всеми —
Луч света со станции «Мир».

ЧЕРЕПАХА

Депортированная из пустыни в городскую квартиру
В знак протеста отказывается от пищи
Постепенно теряет в весе
Становится легче воздуха
Поднимается в небо качая растопыренными конечностями
В качестве НЛО регистрируется спецслужбами
Проходит в секретных списках под кодовым названием
Черепаша

* * *

Год за годом
Удаляюсь от трещины на обоях
Которую любил рассматривать в тихий час засыпая
Но знаю что однажды проснусь
И вот она трещина
Но с изнанки

* * *

Я пойду опустелыми парками Вены осенней,
Что смыкаются где-то с пролесками зимней России.
Это те же снега, что метут на Москву с Енисея,
Над предгорьями Альп, обессилены, заморосили.

Это те же грачи, что, клевать глинозём на просторах
Среднерусских устат, прилетают отведать культуры
В парки Австрии нежной, тяжёл для которой и шорох
Невесомой листвы о тела оголённой скульптуры.

* * *

– Далеко ли до Хайлигенштадта?
– Далеко – не дойти до заката.
Но зато, только грянет закат –
На его симфоническом фоне,
Невесомые, как на ладони,
Башни, башенки – Хайлигенштадт.

– Хорошо ли тому, кто в заката
Час и вправду до Хайлигенштадта
Доберётся – он грустен иль рад?
– Он не то чтобы грустен, но всё же
Чувство, с грустью которое схоже,
Виноградом свисает с оград.

– Оттого ли и грусть, что Бетховен,
Взглядом сумрачен, нравом неровен,
Век не чёсан, убого одет,
Шёл кварталами Хайлигенштадта,

А за ним, вся в миноре, соната?
– Нет: в миноре, но струнный квартет.

* * *

Небо над Веной, как правило, серое.
Вена сильна католической верою.
Ходишь, любясь, и думаешь: что ль она
Серой монашеской рясой зашторена?

Всё же бывает, что улицы венские
Солнце ласкает, как прелести женские, –
Если сперва от подола до ворота
Ветром-охальником ряса распорота.

* * *

Подмигиванье светофора
В молочной утра тишине.
Беззвучное вибрато хора
Ширококрылых, в вышине
Зависших ангелов. Им свыше
Прекрасно видно что почём.
Что проку, что как можно тише
Ступаю, точно ни при чём?

* * *

Напоминают Ленинград...
Ну, Петербург – не в этом дело –
Имперской выправкой оград
Сады и парки. Здесь сидела
Старуха-кайзерша, играл
Ребёнком кайзер Франц-Иосиф:
В снегу барахтался, орал,
Монарший пальчик заморозив...